

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/15617793/480/19

Практики адаптивного поведения чиновников Переселенческого управления МВД в контексте экспедиционной повседневности конца XIX – начала XX в.

Михаил Константинович Чуркин^{1, 2}

¹ Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

² Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, Тобольск, Россия
^{1, 2} proffchurkin@yandex.ru

Аннотация. На материалах воспоминаний А.А. Татищева раскрываются условия и содержание экспедиционной повседневности чиновников Переселенческого управления. Мемуары служащего переселенческого ведомства позиционируются в исследовании как символическая лингвистическая структура, дешифровка которой позволяет реконструировать способы восприятия и интерпретации сообществом реальностей переселенческого процесса. Выявлены структуры повседневности чиновников учреждения как пространство формирования практик их адаптивного поведения и профессиональной идентичности.

Ключевые слова: экспедиционная повседневность, чиновники, Переселенческое управление МВД, практики адаптивного поведения, профессиональная идентичность

Для цитирования: Чуркин М.К. Практики адаптивного поведения чиновников Переселенческого управления МВД в контексте экспедиционной повседневности конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 162–168. doi: 10.17223/15617793/480/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/19

Practices of adaptive behavior of officials of the Resettlement Department of the Ministry of Internal Affairs in the context of expeditionary everyday life at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries

Mikhail K. Churkin^{1, 2}

¹ Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

² Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russian Federation
^{1, 2} proffchurkin@yandex.ru

Abstract. The article reconstructs the conditions and content of the expeditionary regulations of the employees of the Resettlement Department of the Ministry of Internal Affairs. The study is based on the memoirs of Aleksei Tatishchev, an employee of the Department. The author of the article argues that these memoirs can be viewed as a symbolic linguistic structure, whose decoding makes it possible to recreate the way the local community perceived and interpreted the realities of the resettlement process. The aim of the work is to identify the structures of the daily life of officials of the institution as a space for the formation of practices of their adaptive behavior and professional identity. To reach the aim, the author employs the research experience of the “history of everyday life” and new research approaches and directions (“new imperial history”, “new cultural and intellectual history”), which opens up prospects for the discovery of new meanings and going beyond the narrow framework of “legislation-office-work-implementation” when discussing a wide range of issues of “internal” colonization of Russia during the imperial period. In the course of the study, the author identified the sphere of the public everyday life of the Department’s employees where the practices of their adaptation to the outside world were implemented. He has established that comprehending the pointless life of government officials involved in the solving of important problems of empire building opens up prospects for a further study of everyday practices of the Russian bureaucracy. The author shows that within the limits of the expeditionary everyday life of the bureaucracy of the Resettlement Department, an important property of the noble-bureaucratic ethos was reproduced: the awareness of the enduring importance of service and responsibility to the state. This feature, reflected in the recollections of employees of the Resettlement Department about the practices of everyday behavior during the periods of expeditions, served as a basic characteristic of the officials’ socio-cultural identity, ensuring high productivity of resettlement activities in the east of the country in the second half of the 19th – early 20th centuries.

Keywords: expeditional everyday life, officials, Resettlement Department, practices of adaptive behavior, professional identity

For citation: Churkin, M.K. (2022) Practices of adaptive behavior of officials of the Resettlement Department of the Ministry of Internal Affairs in the context of expeditionary everyday life at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 162–168. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/19

Н.Л. Пушкарева, определяя предметную область «истории повседневности», характеризует данное направление как сферу человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах [1]. Современные исследователи, принимающие такой вариант интерпретации, повседневное формулируют как привычное, упорядоченное, близкое, фиксируя в качестве основных функций повседневности сохранение, выживание и воспроизводство человека и общества.

В настоящей работе, в теоретико-методологическом плане, весьма важным будет являться признание того факта, что в изучении истории повседневности приоритетное внимание должно уделяться рефлексии символических систем, прежде всего лингвистических структур, посредством которых люди прошлого воспринимали, познавали и интерпретировали окружающую их действительность. Расшифровка текстов, таким образом, может предоставить более релевантную картину примет времени и историко-культурных форм жизни «обыденного порядка», в которой повседневные события выступают как отражение субъективной ориентации людей, их социокультурной идентичности. В результате в «оптике» исследователя сюжетов повседневности оказываются именно те профанные явления, работа с которыми открывает видимые перспективы реконструкции структур повседневности индивидов, социальных групп или локальных сообществ, выявления стратегий и практик адаптивного поведения субъектов исторического процесса.

Необходимо отметить, что тема повседневной жизни сословно-профессиональных групп, в частности чиновничества России имперского периода, только в последние годы стала попадать в поле зрения исследователей, что во многом оказалось обусловленным ситуацией «антропологического поворота», повлекшего за собой изменения в исследовательской «оптике», неизбежный «дрейф» от изучения событий к изучению состояний, расширение источниковой базы и переформатирование подходов к выбору, анализу и интерпретации источников, отражающих культурные смыслы эпохи.

Существенным является и то, что обращение к новым исследовательским подходам и направлениям («новая имперская история», «новая культурно-интеллектуальная история») в осмыслении таких, казалось бы, полностью освоенных и исчерпанных тем, как история переселений, открывает перспективы перепрочтения и обнаружения новых смыслов, а также выхода за границы узких рамок «законодательство–делопроизводство–реализация» в обсуждении широкого круга вопросов «внутренней» колонизации России периода империи.

В этой связи особую актуальность представляет вскрытие обстоятельств экспедиционной повседневности чиновников Переселенческого управления, выполнявших на рубеже XIX–XX вв. важные функции «обслуживания» переселенческого процесса, ставшего знаковым явлением экономической, социально-политической и социокультурной жизни Российской империи.

Деятельность Переселенческого управления (1896–1917 гг.), функционировавшего первоначально при земском отделе МВД, а с 1905 г. под эгидой Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), имеет весьма обширную историографию в контексте осмысления исторического опыта организации народных миграций во второй половине XIX – начале XX в. Исследователи разных периодов, независимо от господствовавших идеологических конвенций и установок, констатировали, что в этом учреждении на рубеже столетий были сосредоточены основные усилия и средства по освоению окраин, функции организационного и финансового характера, упорядочения переселенческого движения и обеспечения благоприятных условий для водворения и обустройства мигрантов на новых местах [2–4].

Вместе с тем в оценке значения данного учреждения как инструмента формирования имперских стратегий и практик колонизации долгое время доминировал акцент на технократических характеристиках его работы, а чиновники Переселенческого управления позиционировались в качестве системных исполнителей и проводников государственной политики в сферах решений аграрного и переселенческого вопросов. Однако в современной постановке проблемы о назначении и характере деятельности Переселенческого управления исследователи вполне справедливо указывают, что это ведомство по своей организации и целям было максимально приближено к европейскому образцу Министерства колоний. В. Сандерленд лаконично охарактеризовал представления имперских экспертов конца XIX столетия о статусе окраин в составе России, которые, по сути, определяли содержание работы учреждения: «Миграция означала заселение, а заселение – колонизацию в самом полном смысле этого слова, так что управление очень быстро стало государством в государстве для колонистов и переселенческих районов» [5. С. 129]. Таким образом, становится очевидным, что простого описания и анализа делопроизводственных элементов функционирования аппарата государственных чиновников в решении задач, связанных с миграционными процессами аграрного характера, явно недостаточно для реконструкции всех обстоятельств «переселенческого дела» в России в конце XIX – начале XX в., в числе которых: формирование института колониальных экспертов, дискурс власти и общества по

вопросам колонизации и переселения, выстраивание системных практик управления переселенческим процессом в контексте задач «внутренней» колонизации».

Перед исследователем встает сложная задача воссоздания пространства частной жизни непосредственных участников «переселенческого дела» как акторов исторического процесса и встраивания ее значимых эпизодов в социокультурный контекст эпохи. Это невозможно без обращения к автобиографическим текстам, отражающим беспрецедентно личное, наиболее рельефно проявляющееся в условиях повседневной жизни как явления повторяющегося, нормального, привычного, конструирующего стиль, стратегии и практики поведения человека и социальных групп.

В качестве источника, открывающего возможности совершения обозначенных выше операций, использованы воспоминания имперского чиновника А.А. Татищева, основные вехи профессиональной биографии которого были связаны со службой в Переселенческом управлении МВД. А.А. Татищев, двигаясь по карьерной лестнице, прошел путь от помощника делопроизводителя (1906 г.) до помощника начальника Переселенческого управления (1914–1917 гг.), был свидетелем организации переселенческих мероприятий в Амурском, Приморском районах, Туркестане, Степном крае и на Кавказе, неоднократно выезжал в служебные командировки, находясь, по его собственному определению, в гуще переселенческого дела [6].

Выскажем предположение, что обращение к мемуарно-автобиографическому контенту позволит выйти за пределы механистического понимания истории русского колонизационного процесса и переселенческих практик, актуализировать посредством реконструкции повседневности акторов переселенческого дела беспрецедентно личное, что в дальнейшем будет способствовать утверждению и продвижению антропологического подхода в рефлексии важных сюжетов отечественной истории.

Опираясь на положение Ф. Броделя о существовании в любом обществе двух уровней структур (структуры жизни материальной (предметной) и жизни нематериальной (непредметной) [7]), при работе с воспоминаниями А.А. Татищева нами делается акцент на детальной проработке именно сферы непредметной, не затрагивающей область принятия ответственных государственных решений, а охватывающей каждодневные практики человека, определяемой в качестве структуры повседневности.

Включившись в деятельность правительственного учреждения в 1906 г., А.А. Татищев, выполняя функции государственного чиновника, в том числе участвуя в экспедиционной работе, волею обстоятельств регулярно оказывался в обстановке неформальных контактов и ситуаций, имеющих косвенное отношение к исполнению им профессиональных обязанностей и формирующих представление о повседневном быте, а также стандартах обыденной коммуникации

локального сообщества служащих Переселенческого управления.

Вспоминая о своем первом экспедиционном опыте – сопровождении начальника Переселенческого управления Г.В. Глинка в служебной поездке в Сибирь и степные области, А.А. Татищев особое внимание уделяет непредметной обстановке, сопровождавшей начало его служебной карьеры. При этом репрезентации автором мемуаров чиновничьей повседневности конструируют живой, человеческий образ окружающих его персонажей, зачастую игнорируемый в тематических исследованиях. Характерно, например, что в описании топографических характеристик ведомства, первого контакта с его служащими, модели общения начальников с подчиненными, Татищев делает акцент на обыденности и «легкости» восприятия коммуникативной ситуации, в которой оказался тогда еще совсем молодой человек: «Переселенческое управление помещалось тогда на Морской, 36, в небольшой квартире частного дома...»; «Встретили меня очень ласково»; «Глинка должен был ехать в большую служебную поездку в Сибирь. В такие поездки начальники... брали с собой кого-либо из младших служащих»; «...Глинке пришла в голову счастливая для меня мысль взять с собой в путешествие меня» [6. С. 34]. В дальнейшем, описывая акт путешествия из Петербурга в Сибирь и Степной край, А.А. Татищев сознательно выделяет сюжеты профанного характера, усиливающие эффект позитивного восприятия своей коммуникативной среды, что позволяет существенно скорректировать представления об облике, стиле жизни и поведенческих практиках русского чиновничества. Конструируя образ своего непосредственного начальника и попутчика в служебной командировке, Татищев особо подчеркивает «нормальное» в его манере и стиле поведения, что позволяет зафиксировать чиновника-человека, а не чиновника-функцию: «...перед поездкой Глинка собирался заехать в свое смоленское имение...»; «Глинка я застал в мрачном настроении» [6. С. 35]. Важное значение в моделировании позитивного образа чиновника у А.А. Татищева выполняет воссоздаваемый им повседневный фон путешествия: описание «сибирского» поезда, фиксация скорости движения, станций с переселенческими пунктами, природного колорита местности, вокзальной торговли и стоимости товаров и т.д. [6. С. 35]. Заданный мемуаристом контекст повседневности путешествия позволил автору вписать в эту неформальную атмосферу и своего паттерна – крупного правительственного чиновника Г.В. Глинка, с которым А.А. Татищев «успел забежать на переселенческий пункт и познакомиться с заведующей, типичной представительницей старого переселенческого чиновничества, идеалиста-народника, работающего не считая часов за скудное вознаграждение и не мечтающего ни о какой карьере» [6. С. 35]; «ехали... в маленьком вагоне, но товарно-пассажирским поездом вместе с переселенцами, с которыми Глинка и провел все время в дороге, переходя на станциях из вагона в вагон» [6. С. 36].

В аспекте реализации экспедиционерами производственных задач, спектр непредметного, обыденного, представленный в мемуарах А.А. Татищева, также является значимым, поскольку воспроизводит не только действия служащих, как правило детально фиксируемых в материалах официального делопроизводства, но и их мысли, рассуждения, эмоциональные реакции. В этом случае мемуарист также прибегает к апробированному приему фонового описания, в то же время подготавливая читателя к восприятию главного: «Был чудный день раннего лета. Свежий ветерок умерял жару. Дорога шла степью, и ехали быстро. Кругом ковыль – признак, что земля никогда не видела плуга... Хохол на облучке и Глинка в тарантасе – все восторгались земельным простором» [6. С. 38]. В эту идиллию автор постепенно вплетает проникновенный эпизод из личной биографии Г.В. Глинки, обстоятельствами которой начальник поделился с подчиненным: «Глинка в молодости хозяйничал в Черниговской губернии и сохранил с тех пор нежную любовь к земле. Впоследствии ему пришлось по службе много ездить по России, и, как он мне сказал раз: “Знаете А.А., там, кто где был предводителем дворянства, совсем не помню, а вот какая где земля, это запоминаю твердо и никогда не забываю”» [6. С. 38]. Далее, описывая неформальное общение Глинки с переселенцами, А.А. Татищев, вспоминая свой разговор с начальником, резюмирует: «Глинка по природе как-то всегда более доверял мужику, чем чиновнику» [6. С. 37].

В контексте исследования экспедиционной повседневности чиновников Переселенческого управления актуальным представляется вопрос, связанный с принятием решений об участии в экспедициях, поскольку обращение к данной проблеме адресует исследователя к малоосвоенным эпизодам частной жизни служащих ведомства в межэкспедиционный период. В результате – в эпицентре исследовательской «оптики» работающего с мемуарно-автобиографическим материалом чиновников Переселенческого управления оказываются сюжеты их жизни и быта в условиях стационарных фаз: бюрократической работы в Петербургских «офисах» учреждения и условных «вакаций» в производственном цикле. Так, А.А. Татищев, предваряя повествование об очередном участии в экспедиции по обследованию незаселенных пространств Азиатской России (Амурская область), часть воспоминаний посвятил описанию своей городской (петербургской) повседневности, особо подчеркнув изъяны светского образа жизни. Так жил волею обстоятельств в столичном городе среднестатистический чиновник, принадлежавший к его поколению. Татищев отмечал в мемуарах запредельную степень интенсивности ординарных событий, располагавшихся вне сферы профессиональной деятельности: поездку в родовое имение и встречу там Рождества, «выезды», танцевальные вечера и беспрерывные общения с дамами, вечерние игры на квартирах, песни под гитару, ужины, изнурительные флирты и серьезные любовные увлечения [6. С. 51–53]. Татищев с горечью писал: «Все это разрешилось на масленице каким-то

паратифом, уложившим меня в постель и, несмотря на кратковременность, страшно меня ослабившим, так что я уехал в Беляницы отдыхать» [6. С. 53]. В итоге чиновник пришел к единственно верному, с его точки зрения, выводу: «...Во мне сложилось твердое намерение переменить обстановку и на время уехать из Петербурга» [6. С. 53].

Показательно, что, принимая решение об участии в экспедиции, чиновник Переселенческого управления обсуждал его с коллегами, в том числе и с теми, кто располагался выше в бюрократической иерархии, в обстоятельствах неслужебного, частного характера. А.А. Татищев в частных беседах с А.В. Успенским, П.Н. Яхонтовым, Г.В. Глинкой в конечном счете склонился к поездке на Амур и получил по этому поводу следующее, столь же неслужебного характера, напутствие: «Знаете, Алексей Алексеевич, поезжайте просто, не мудрствуя лукаво, и посмотрите, действительно ли там сплошь одно болото или нет. И возвращайтесь честно рассказать, что там увидите» [6. С. 55].

Живая и непосредственная внутрислужебная коммуникация и ее демократичный формат задавали алгоритм и являлись эмоциональным фоном экспедиционного процесса. Совершенно не случайно, что память мемуариста (А.А. Татищева) выстраивается именно вокруг непредметной сферы служебной деятельности, как бы раздваиваясь между перечислением и характеристикой попутчиков-коллег (Н.П. Рахманов, Д.Е. Розалион-Сошальский, Р.Р. Голике), безымянных пунктовых чиновников (Челябинск), сибирских представителей переселенческого ведомства (С.В. Резниченко, С.П. Каффка, С.П. Шликевич) и описанием путевых условий, впечатлений от природы, местной городской жизни и населения Амура [6. С. 56–60].

Включенность чиновников переселенческого ведомства в экспедиционную повседневность непроизвольно активировала выбор ими адекватных обстоятельствам службы практик адаптивного поведения, что предстает как проявление различных горизонтов идентичности группы: сословной, социокультурной, профессиональной.

Опираясь на материалы воспоминаний А.А. Татищева, следует отметить, с одной стороны, уникальность, с другой – универсальность биографической ситуации людей, включенных в профессиональное сообщество, что связано с обстоятельствами рождения, воспитания, образования, социального окружения и, как следствие, задает рамки социокультурной идентичности и общий вектор понимания внешнего мира.

Выбор практик адаптивного поведения в условиях реализации проектов переселенческого дела являлся неотъемлемой частью повседневности чиновников, активно включенных в процесс производственных отношений, выполняющих важные стабилизирующие функции в организации переселений и их имперском регулировании.

Основываясь на воспоминаниях А.А. Татищева, можно предположить, что базовая практика поведения служащих Переселенческого управления, которая реализовывалась в повседневных условиях и определяла высокий средовой адаптивный потенциал сообщ-

щества, являлась производной этоса чиновничества, как системы нравственных ценностей, генерируемых условиями воспитания и образования российского дворянства. А.А. Татищев, детство и отрочество которого прошло в условиях «дворянского гнезда» конца XIX – начала XX в., в своих воспоминаниях детализованно описывает усадьбную повседневность, включая взаимоотношения детей со взрослыми, организацию домашнего образования и сложной системы коммуникативных контактов семейного быта.

Мир детства А.А. Татищева, отец которого занимал пост уездного предводителя дворянства, став впоследствии екатеринославским вице-губернатором и далее – губернатором Полтавы, в коммуникативном отношении был весьма разнообразным. Основные воспитательные функции выполнял гувернер-швейцарец, который, по воспоминаниям Татищева, развил его физические и умственные способности [6. С. 13]. Высокий статус отца предполагал тесное и часто неформальное общение с сослуживцами, к которому оказывались причастны все члены семьи: «Большим событием для нас бывали царские дни... когда чиновничий мир в Полтаве, во главе с архиереем, начальником дивизии и вице-губернатором... собирался у нас на парадный завтрак» [6. С. 14]. Тем не менее самые яркие воспоминания о детстве А.А. Татищева связывались с жизнью в поместьях (Бежецкий, Полтавский уезды), куда семья регулярно возвращалась, проводя там летний и частично осенний сезоны года. К «усадьбному» периоду биографии А.А. Татищева относятся его первые опыты взаимоотношений с народом и знакомство с организацией помещичьего хозяйства. А.А. Татищевым в воспоминаниях представлена галерея персонажей из народных низов: от безымянных «скотниц» (мойщиц полов в усадьбе) до камердинера Василия Евграфовича. Мемуарист неизменно подчеркивал свое почтительное отношение к ним, что являлось характерным признаком дворянского этоса пореформенного времени: «их работа далеко не из легких», «честности был абсолютной», «много ездил, бывал за границей, и я всегда с интересом слушал его рассказы про старину» [6. С. 21–22]. Факт принадлежности А.А. Татищева в юношеские годы к лицейскому сообществу также является весьма информативным в контексте выбора практик адаптивного поведения в условиях будущей профессиональной повседневности. Специфика лицейской образовательной системы, помимо ориентации на подготовку кадров для государственной службы, заключалась в цельности программ обучения периодов средней и высшей школы, их гуманитарно-юридической направленности, а также в обеспечении образовательного процесса высококвалифицированными преподавателями. Немаловажное значение в формировании особой атмосферы Александровского лицея имело стремление администрации к сохранению традиций, заложенных в первой половине XIX столетия, к числу которых относилось крайне негативное отношение к любым видам радикализма и революционной деятельности. Татищев, повествуя в мемуарах о заключительном акте торжеств по поводу окончания лицея, включав-

шем представление лицеистов Государю, сообщает, что данное действие являлось новшеством, но рассматривалось как необходимое мероприятие с целью публично продемонстрировать выпускников высшего учебного заведения, прошедших через смуту Первой русской революции без перерыва в занятиях [6. С. 32].

Существенным является и то, что идентичность переселенческого чиновничества в исследуемый период формировалась под влиянием социал-дарвинистских идей XIX в., ставших питательной средой для переселенческого дела. Имперские программы крестьянских переселений, реализуемые в контексте задач по решению аграрного вопроса в России, конструировались в поле эволюционистских и ориенталистских теорий, во многом являясь продуктом общественно-политической атмосферы второй половины XIX в., когда в фазу зрелости и интеллектуальной активности вступило поколение пореформенного времени. В этот период значимо изменились ценностные ориентации образованной части российского социума, центральное место в которых занимали представления о власти и народе. Если в начале XIX в. именно власть позиционировала себя в качестве главного «европейца», выступавшего паттерном по отношению ко всем общественным группам, то во второй половине столетия эти функции присвоила себе интеллигенция, видевшая свою основную задачу в осуществлении самовластного культуртрегерства. В 1880-х гг. на смену неудавшемуся опыту «хождения» в народ пришла «теория малых дел», ставшая деполизированным вариантом культуртрегерской деятельности, направленной на поддержку народных низов в новых экономических условиях пореформенной России. В 1890-х гг. мессианское подвижничество интеллигенции, как эманация чувства вины и «неоплатного долга» перед народом, являлось неотъемлемым социокультурным фоном при решении текущих общегосударственных задач, к числу которых относился широкий спектр вопросов переселенческого движения, требующих от нового чиновничества активных контактов с народными низами, в том числе и внедрения в повседневные отношения населения.

В практиках адаптивного поведения чиновников в условиях экспедиционной повседневности воспроизводился и такой элемент дворянского этоса, как осознание сообществом важности честной и беззаветной службы, ответственности перед государством. Опираясь на фрагменты воспоминания А.А. Татищева о периоде личностного становления в лицейские и университетские годы, происходившего в условиях экономической, политической, культурной модернизации второй половины XIX в., можно с достаточной долей уверенности говорить о справедливости выводов исследователей, считающих, что российское дворянство в новых обстоятельствах жизни имело широкий выбор для устройства своей профессиональной карьеры. Разрыв с традиционным дворянско-землевладельческим укладом и образом жизни вытеснял представителей первого сословия в города, втягивал в сферу свободных профессий, вовлекал в общественно-политическую деятельность, в том числе леворадикального толка. Вместе с тем, по заклю-

чению С. Беккера, за четыре десятилетия с начала эпохи Великих реформ примерно 50% дворян-землевладельцев связывали себя с государственной службой, и, несмотря на падение удельного веса дворян среди государственных чиновников по сравнению с началом 1860-х гг., дворяне не отказались от своей исторической роли – служения государству [8. С. 188].

В исследуемый период в Российской империи происходило становление новых хозяйственных отраслей, бурно развивались рыночные отношения, соответственно задачи государственного управления усложнялись, возрастала потребность в высокопрофессиональных чиновничьих кадрах. С точки зрения имперских властей, дворянство являлось основным источником мобилизации высшей и средней бюрократии, и не только в качестве сервильных носителей идеи беззаветного государственного служения, но и как категория лиц, обладающих высоким образовательным уровнем, который позволял принимать нестандартные и эффективные меры при решении важнейших хозяйственно-экономических и политических задач.

На страницах мемуаров А.А. Татищева весьма рельефно отражена значимость для новой генерации чиновничества мотива государственной службы, зафиксированного в стационарной и экспедиционной повседневности служащих Переселенческого управления. Автор, комментируя первые месяцы своей служебной карьеры, писал о готовности и способности принимать ответственные решения, несмотря на несовершеннолетний (20 лет) возраст: «...Совершая какой-то акт у нотариуса, я подписывался так: “несовершеннолетний титулярный советник”, а внизу Мама писала: “на выдачу этой доверенности несовершеннолетним сыном моим согласна”» [6. С. 43–44]. Мотив беззаветной службы определял и практики повседневного поведения в сложных условиях экспедиционных реалий. А.А. Татищев, описывая процесс перемещения к месту выполнения экспедиционных задач, неоднократно упоминает о трудностях, с которыми ему приходилось сталкиваться, и принятии решений практического характера, позволявших до конца исполнить возложенную на него миссию. Так, занимаясь в 1908 г. подготовкой к нарезке переселенческих участков в Приамурье, Татищеву пришлось практически в одиночку (с проводником), в течение двух дней двигаться к намеченной цели, исправляя ошибки не знающего местности сопровождающего, ночуя в лесу, но все-таки выйти к искомому поселку [6. С. 66]. Мемуарист писал, что, двигаясь по почтовым трактам, ему приходилось регулярно сталкиваться с огромными трудностями (отсутствием годных лошадей, раз-

мытыми дорогами и т.д.), но всегда, так или иначе, добираться до нужной ему местности, прибегая к различным средствам: «часто за на чай» ямщикам [6. С. 66]. Более того, выполнение служебного долга для чиновника-дворянина являлось делом чести, что не только отвлекало от ситуации повседневного бытового дискомфорта, но и настраивало на принятие самостоятельных решений, не входящих в круг обязанностей экспедиционера. Так, в период путешествия А.А. Татищева по Приамурью закончился срок его командировки и пришлось время возвращаться в Петербург. Тем не менее он посчитал нужным продолжить движение и ехать за собственный счет в направлении Хабаровска и Владивостока [6. С. 70], получив при этом разрешение и поддержку руководства.

Подводя общие итоги, отметим, что обращение к мемуарному дискурсу чиновников Переселенческого управления, в частности к воспоминаниям А.А. Татищева, позволяет вычленивать событийную область публичной повседневной жизни служащих учреждения, частные события, в пространстве которых реализуются практики их адаптации к внешнему миру.

Пласт непредметной жизни государственных чиновников, включенных в процесс решения важных задач империостроительства на востоке страны, открывает широкие перспективы осмысления повседневных практик российской бюрократии за пределами традиционных исследовательских приемов, ориентированных исключительно на делопроизводственные характеристики функционирования имперского чиновничества.

Подвижничество служащих Переселенческого управления, чувство долга по отношению к народу, реализуемое посредством повседневных практик адаптивного поведения чиновников ведомства, усиливали эффективность действий представителей империи на колонизируемых окраинах, способствовали росту престижа Российского государства в зауральских областях.

В параметрах экспедиционной повседневности чиновничества переселенческого ведомства воспроизводилось и такое свойство дворянско-чиновничьего этоса, как осознание непреходящей значимости службы и ответственности перед государством. Данная черта, репрезентируемая в воспоминаниях служащих Переселенческого управления о практиках повседневного поведения в периоды экспедиций, являлась базовой чертой социокультурной идентичности общества, обеспечивая высокую продуктивность переселенческих мероприятий на восточных окраинах во второй половине XIX – начале XX в.

Список источников

1. Пушкарёва Н.Л. История повседневности как направление исторических исследований // Перспективы. Фонд исторической памяти. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения: 12.10.2020).
2. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 688 с.
3. Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск: НГУ, 1984. 318 с.
4. Белянин Д.Н. Организация крестьянских переселений на казенные земли Сибири в XIX – начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 4 (44). С. 16–22.
5. Сандерленд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) : сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 105–150.
6. Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.

7. Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII в. : в 3 т. М. : Прогресс, 1986. Т. 1. 621 с.
8. Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 344 с.

References

1. Pushkareva, N.L. (2020) *Istoriya povsednevnosti kak napravlenie istoricheskikh issledovaniy* [The history of everyday life as a direction of historical research]. [Online] Available from: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (Accessed: 12.10.2020).
2. Lyubavskiy, M.K. (1996) *Obzor istorii russkoy kolonizatsii s drevneyshikh vremen i do XX veka* [Review of the history of Russian colonization from ancient times to the twentieth century]. Moscow: Moscow State University.
3. Goryushkin, L.M. & Minenko, N.A. (1984) *Istoriografiya Sibiri dooktyabr'skogo perioda (konets XVI – nachalo XX v.)* [Historiography of Siberia in the pre-October period (late 16th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: NSU.
4. Belyanin, D.N. (2010) Organizatsiya krest'yanskikh pereseleniy na kazennye zemli Sibiri v XIX – nachale XX v. [Organization of peasant migrations to the state lands of Siberia in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (44). pp. 16–22.
5. Sunderlend, W. (2010) Ministerstvo Aziatskoy Rossii: nikogda ne sushchestvovalsya, no imevsya dlya etogo vse shansy kolonial'noye vedomstvo [The Ministry of Asiatic Russia: The Colonial Office That Never Was but Might Have Been]. Translated from English. In: *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917): sb. st.* [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917): Articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 105–150.
6. Tatishchev, A.A. (2001) *Zemli i lyudi. V gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906–1921)* [Lands and people. In the thick of the resettlement movement (1906–1921)]. Moscow: Russkiy put'.
7. Braudel, F. (1986) *Struktury povsednevnosti: Vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [The structures of everyday life: The limits of the possible]. Translated from English. In: *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII v.: v 3 t.* [Material civilization, economy and capitalism, 15th–18th centuries: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Progress.
8. Bekker, S. (2004) *Mif o russkom dvoryanstve: Dvoryanstvo i privilegii poslednego perioda imperatorskoy* [The myth of the Russian nobility: The nobility and privileges of the last period of Imperial Russia] Rossii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Информация об авторе:

Чуркин М.К. – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия); ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук (Тобольск, Россия). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.K. Churkin, Dr. Sci. (History), professor, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation); leading researcher, Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 13.10.2021;
одобрена после рецензирования 12.01.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 13.10.2021;
approved after reviewing 12.01.2022; accepted for publication 29.07.2022.